

© 1995 г. Е.С.ЯКОВЛЕВА

ЧАС В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ВРЕМЕНИ *

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Час будет рассматриваться не изолированно, но в системе других показателей времени *миг, минута, мгновение, момент, время, пора*. Выбор для сопоставления именно этих слов мотивирован тем, что час в русском языковом сознании обладает двумя рядами ассоциативных корреляций. Условно их можно назвать “синхронной”, внутриязыковой и “диахронной”, “исторической”. Первый ряд очевиден: час как единица более крупного порядка соотносится с *минутой* и хотя бы поэтому вовлекается в ассоциации с другими показателями кратковременности. Вторым ассоциативным рядом связан с происхождением самого понятия “час” – детализирующего понятие времени. Данный процесс, в частности, хорошо иллюстрируется и эволюцией значения русского *часа*, некогда называвшего время вообще. В русском языке к тому же эти две линии ассоциаций переплетены, вследствие вмешательства межъязыкового фактора.

Дело в том, что слово *час* в славянских языках имеет разную судьбу, так, в сербскохорватском *час* значит и ‘час’, и ‘мгновение’ (тем самым поддерживает ассоциативная связь с показателями кратковременности¹); в западных языках (польском, чешском, словацком, белорусском) *час* значит ‘время’, а в украинском – ‘время’ и ‘погода’ (эти синхронные, но уже межъязыковые, соотношения актуализируют в русском *часе* его диахронию).

В целях уточнения предмета нашего исследования сделаем несколько замечаний общего характера.

1.1. Час как общеславянское слово.

Некогда в русском языковом сознании при обозначении понятия “час” слово *час* конкурировало со словом *година*. В дальнейшем их судьбы разошлись. В “Материалах для словаря древнерусского языка...” И.И.Срезневского приводится следующая справка: “... слово *година*, общее всем славянам, получило в разных краях особенные оттенки значения, как и слово *час*: на северо-западе *година* – час, *нога*, на юго-западе – *год*, *annus*, на востоке – неопределенное время, вроде эпохи; между тем как *час* значит на северо-западе неопределенное время,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

¹ Нужно сказать, что значение мельчайшей частицы времени – одно из древнейших значений *часа*. Здесь мы имеем в виду перевод в Евангелии от Луки (4.5) греческого выражения *ἐν στιγμῇ χρόνου* (бул. ‘в мельчайшей частице времени’) церковнославянским *въ часѣхъ временѣхъ*, случай, который отметил Гуннар Якобссон и в котором он усмотрел “элегантность в искусстве переводить” [Якобсон 1958: 299].

а на юго-западе и на востоке то же, что на северо-западе година, hora” [Срезневский 1893–1912: 536].

У Ф.И.Буслаева в “Материалах для русской стилистики” находим: “Время есть общее понятие для слов *годъ, часъ*, ибо *година* у нас значит вообще время, а у поляков час; ... наоборот, по-польски *час* значит вообще время; в наших древних памятниках *год* значит просто пору, время ... А *час* в смысле поры, времени и теперь у нас употребляется” [Буслаев 1992: 276]. “Существенное сходство этих слов” Ф.И.Буслаев видит в том, что “они происходят от глаголов, означающих ожидание, утешение, надежду ... Так, *годъ* одного корня с *годить, ждать* .., а *часъ* происходит от *чаять*. Понятие о времени переходит к понятию о счастье, добре, доброте” (там же, с.247)².

Память языкового коллектива может хранить информацию о семантическом прошлом слова. Эстафета передается, прежде всего, через литературные (и шире – культурно-значимые) тексты. Так, мы понимаем строки О.Мандельштама, описывающие такое мироощущение, при котором каждый час мыслится как последний, быть может, реально и не зная, что *година* – в прошлом славянское название “часа”: *В Петрополе прозрачном мы умрем, // Где властвует над нами Прозерпина. // Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, // И каждый час нам смертная година.*

Название одного из стихотворений К.Бальмонта “Зимний час”; строки З.Гиппиус: *Все это было, кажется, в последний, // В последний вечер, в вешний час*, где *час* употребляется в значении времени (то есть по типу западно-славянской языковой группы) не вызывает у носителя русского языка ощущения ошибки. Это, скорее, расширение возможностей слова в соответствии с его прежними свойствами, ср. строки из Стихиры XII века: *Текуще въ кзеро студенок ... глаголаху святни мученици: не оустрашимса часа зимнааго* (цит. по [Срезневский 1893–1912: 1479]).

Таким образом, наличие у слова этимологической ретроспективы, с одной стороны, может способствовать многомерности его восприятия, а с другой – расширять возможности его употребления в соответствии с этимологическим спектром значений. Приведем пример из З.Гиппиус, в котором *час* употребляется на южно-славянский манер – как аналог мгновения: *И каждую изменчивость я длю. // Мне равносвятны все твои мгновенья, // Они во мне – единой цепи звенья, // Терзаю ли тебя, иль веселю, // Влюбленности ли час, иль час презренья, – // Я через все, сквозь все – тебя люблю.*

1.2. Час в отношении к слову *время* и понятию времени.

В словарях современного русского языка (БАС, МАС, Ожегов) точное значение *часа* возглавляет словарную статью. Так, согласно МАС-у, *час*: 1) единица измерения времени, равная 1/24 суток и состоящая из 60 минут...; 2) мера времени в 60 минут, исчисляемая от полудня или полуночи...; 3) промежуток времени, отводимый на урок, лекцию, занимающий с отдыхом 60 минут (*академический, учебный*...). И лишь “*вчетвертых*” *час* (*чего или какой*) – это *время, пора: вечерний час; поздний час; ранние часы*. Вариациями последнего типа значения являются такие, как “момент наступления, осуществления чего-либо” (*час рас-*

² О *часе* в историко-этимологическом аспекте см. [Черных 1993: 375]; лаконичный, но и наиболее полный обзор этимологических толкований славянского *časъ* представлен в [Якобсон 1958].

платы); “время, предназначенное, отведенное для чего-либо” (*часы занятий; обеденный час*) [МАС: 653]. Заметим, пока без комментариев, что словари (в том числе и Словарь эпитетов!) не различают в этом четвертом типе употребления форм единственного и множественного числа, давая общее для них определение.

Между тем, и в Словаре В.И.Даля и в “Материалах...” И.И.Срезневского устанавливается иная иерархия значений *часа*. Так, у Даля *час* – это прежде всего время, времена, година, пора; // (2) досуг, свобода от дел; // (3) пора, срок, удобное к чему-либо время. Примеры: *Лихой час настал... Будет час, да не будет нас... Всему свой час...* И уже потом *час* – это “мера времени, 60 минут, по 24 часа в сутки” [Даль 1989, IV: 583]. У И.И.Срезневского *часъ* – это “время”: “качественное” – опасное, критическое; “количественное” – *многъ часъ* и под. И только в одном из замыкающих список значений *часъ* – это “мера времени, подразделение суток” [Срезневский 1893–1912: 1479].

Понятно, почему произошло такое перераспределение значений: в древних языках (древнегреческом, латинском) в качестве “часа” как меры времени стало использоваться уже имеющееся слово со значением ‘время’. Так, лат. *hora* это I) время вообще и II) определенное время, которое в свою очередь разбивается на а) время года, пора и в) час; древнегреческое *ώρα* – это время года; особенно цветущее время (весна и лето)... и уже потом – время дня, час.

Таким образом, исходно “час” – это время с некоторой качественной спецификацией: активное, природное, удобное к чему-либо. Закрепленность “часа” за определенным местом на оси времени (его вторичность по отношению к времени как целому) и повторяемость позволили “часу” включиться в систему количественного времени, стать мерой счета времени и пр.

Предметом нашего рассмотрения будет тот *час*, который коррелирует со словами *время, пора, момент*, ибо *час* в точном количественном значении не нуждается в специальном лингвистическом описании. Нельзя, однако, забывать, что в сознании носителей языка представление о слове существует не в виде словарной статьи с четко выделенными значениями и типами употребления: конкретное использование слова, равно как и прочтение, истолкование его употребления, может потребовать одновременной активизации словарной информации, относящейся, условно говоря, к разным словарным рубрикам. Так, в пушкинских строках: *Паду ли я, стрелой пронзенный, // Иль мимо пролетит она, // Все благо: бдения и сна // Приходит час определенный* слово *час* употребляется в значении времени; смысл же “неизбежности”, “объективности” наступления этого времени навевается точным количественным значением *часа* – как определенного времени суток.

Таким образом, не останавливаясь специально на точных количественных значениях слова *час*, мы все же не вовсе о них забудем, ибо феномен *часа* как манифестанта особого времени складывается из всех возможностей этого слова, с привлечением в большей или меньшей степени всех его семантических составляющих.

1.3. Время, пора; минута, миг, мгновение, момент как носители моделей времени.

Этой теме посвящена отдельная глава в [Яковлева 1994]. Здесь же мы приведем лишь необходимые для последующего изложения резюмирующие выкладки.

Слова, являющиеся предметом нашего рассмотрения, связаны общим понятием интервала времени. При этом время мыслится не как безликий отрезок числовой оси той или иной длительности, но как нечто с е м а н т и з и р о в а н н о е – время проходит под знаком событий, его заполняющих. Это то “психологическое”, по А.Бергсону, время, “видимый количественный характер” которого “есть в действительности качество” [Бергсон 1910: 142]; то время, которое В.И.Даль назвал “пространством в бытии”, “последовательностью существования” [Даль 1989, I: 260], о котором в “Афоризмах” Валериана Муравьева сказано: “Время – это другое название для жизни” [Муравьев 1992: 113]

Качественная спецификация времени-вместилища событий (понимаемого как синоним жизни) позволяет носителю языка с помощью рассматриваемых слов соотносить описываемое с разными сферами бытия. Это становится возможным потому, что, сгруппированные вокруг какого-нибудь одного, количественно однородного временного интервала (краткого у *минуты* и под., периода у *времени*, *поры* и др.), слова позволяют этот интервал представить по-разному в плане “качества” времени, его заполняющего.

Таким образом, моделью времени мы называем и н т е р п р е т а ц и ю времени, содержащуюся в семантике слова-названия времени. Модель мыслится как двучленная семантическая структура, первый компонент которой является оценкой, а второй – ее интерпретацией. К примеру, у слов *мгновение* и *момент* оценочное основание, или основание интерпретации, общее – “краткость” временного интервала; сами же интерпретации различны: *момент* выражает характеристику “рациональное”, “аналитическое”, “внеположенное” (позиция стороннего наблюдателя); *мгновение* интерпретирует временной интервал в терминах “уникального”, “важного”, “личного”, “незабываемого”. ‘Кратковременность’ в семантике данных слов не имеет прямой соотносительной связи с какими-либо объективными характеристиками количественного времени; кратковременность в данном случае значит э л е м е н т а р н о с т ь: *минуты*, *миги*, *мгновения*, *моменты* объединяются как элементарные единицы взаимнопротивопоставленных моделей времени.

Модели задают три различные интерпретации событий на базовом интервале времени: “бытовое”, “повседневное” (*минута*, *секунда*), “надбытовое”, “исключительное” (*миг*, *мгновение*); “рациональное”, “аналитическое” (*момент*) (подробнее об этом см. в [Яковлева 1994]).

Слова *время* и *пора* – исторические коррелянты *часа* – взаимнопротивопоставлены по признаку линейность/цикличность. При этом *пора*, являющаяся единицей времени космологического, маркирована – она называет фазу извечного жизненного круга (природного, социально-исторического), а *время* не маркировано – оно одинаково способно описывать как единичное, уникальное, повторяемое (то есть “л и н е й н о е”), так и типизированное, возобновляющееся (то есть “ц и к л и ч е с к о е”).

Закономерен вопрос, в каком отношении находится *час* к перечисленным выше моделям? Является ли он продолжением *минуты* в описании бытового, повседневного времени? И в этом смысле противопоставлен *мигу* – манифестирующему исключительное, эмоционально напряженное время? И вообще, корректно ли со- или противопоставлять

столь различные по длительности *час* и *миг* даже и при наличии у них межъязыковых параллелей?

Приведем в качестве аргумента пример, провоцирующий на подобные сопоставления: *Но в час, когда последняя граната // Уже занесена в твоей руке // И в краткий миг припомнить надо // Все, что осталось вдалеке...* (К. Симонов). Как видим, сближение между *мигом* и *часом* (нивелировка “количественного” фактора) происходит как раз за счет актуализации “качества” описываемого времени.

Заметим, что “качественность” *часа* по понятным причинам находит яркое отражение в Словаре эпитетов, который содержит и наиболее удачное, с нашей точки зрения, определение: “*Час*. О времени, моменте; периоде жизни (обычно чем-либо важным, знаменательном)” [Горбачевич, Хабло 1979: 520]

Поиск языковых особенностей *часа* мы начнем, следуя наиболее очевидной ассоциации.

2. ЧАС VS. МИНУТА

З а м е ч а н и е. Выявление и описание *часа* в русской языковой картине времени основывается на примерах, в которых используется форма единственного числа – *час*. Именно она является м о д е л е о б р а з у ю щ е й: для *часа* в ед. числе фактор “количества” (масштаба) может быть нерелевантен, ср.: *В этот решительный для русского общества час...* Поэтому только в ед. числе *час* (как и ед. число *минуты*) способен описывать “срочное” время, т.е. сообщать о наступлении события в соответствии с заранее известным “сроком”, ср.: *Пришел час разлуки (раставания, отъезда) или И час придет ... и он уж недалек. // Падешь, тиран! ...* (А.Пушкин).

По сравнению с формой мн. числа *час* обладает неким потенциалом не о п р е д е л е н н о с т и и возможностью к о б о б щ е н и ю, т и п о л о г и з а ц и и о п и с ы в а е м о г о временного отрезка. Так, можно говорить о *часе* (а не о *часах*!) *возможная/становления личности, о часе* (а не о *часах*) *прозрения нации*.

Сочетания *утренний, вечерний, темный час* описывают именно периоды суток, которые мыслятся (в духе *поры*!) как время типологизированное, поэтому в предложении они, как правило, служат “кулисами”, фоном действия, ср.: *На распутии злом и диком // В темный час я тихо жду* (Ф. Сологуб).

Фразы же *утренние, вечерние часы* осмысляются скорее по типу *времени*, которое, в частности, может описывать события, любые по значимости, и мыслиться как нечто утилитарное, ср.: *Утренние часы (*час!) лучше отдавать занятиям*. Отсутствие типологизированности у форм мн. числа (*часы*) делает не столь очевидной для фраз типа *темные часы* ассоциацию с временем суток: они могут интерпретироваться – по аналогии с *минутами* – как состояния души, ср.: *В темные часы я уединяюсь*.

После этой оговорки обратимся к анализу. Рассмотрим пример: [Пушкин Чаадаеву] *В минуту гибели над бездной потаенной // Ты поддержал меня недремлющей рукой* (и дальше: ... *ты был целителем моих душевных сил...*). Описывается ситуация критическая, при этом *минута* заставляет осмыслить *гибель* как нереализовавшуюся угрозу, ср. между тем *час гибели*, где *час* сообщает, что критический слом произошел. Другими словами, время *минуты* п р е х о д я щ е, тогда как *час* несет информацию о н е п р е л о ж н о м результате. Заметим, что само это сопоставление *минуты* и *часа* возможно в приведенном случае благодаря тому, что в качестве имени события выбрана *гибель*, а не, скажем, *смерть*, от которой не было бы спасения, поскольку она называет событие по результату.

Продолжим сравнения: *К минуте мщенья приближаясь, // Онегин, тайне усмехаясь, // Подходит к Ольге ...* (А. Пушкин). *Минута* вы-

ступает здесь как манифестант времени “срочного”, т.е. сигнализирует о том, что *мицение* *запланировано* Онегиным. Но это срочное время мыслится, сообщает *минута*, как бы *готовое, обыденное*, что, в свою очередь, и *мицению* задает соответствующий масштаб – некоей повседневной, ничего не значащей акции. Иное дело *час мицения*: он поднимается над повседневностью, отмечая судьбозначимые события, ср.: [из “Песен воинов перед сражением” В.Ф. Раевского] *Завтра грозный час отмщенья, // Завтра, други, станем в строй* [и чуть дальше по тексту] *О други! близок час желанный, // И близок грозный час врагам*. Важно и то, что *час X-а* приложим (в отличие от *минуты*) не только к жизни отдельного человека, но и к жизни общества.

То, что *минута* ограничена рамками “частного существования” и уровнем повседневности, а *час* способен подниматься до описания общезначимого и отмечать переломы в судьбе человека (общества), позволяет нам противопоставить эти слова по линии “*душевное*” (*минута*)/”*духовное*” (*час*). Ср. у Апостола Павла: “... сеется тело душевное, восстает тело духовное” (1Кор. 15.44). *Час* и отмечает некие вехи на пути становления духовного человека³.

Чтобы обосновать наличие в *часе* “духовности” и увидеть противопоставленность *часа* по этому признаку “душевной” *минуте*, обратимся к примерам: [Из поэмы Н.Коржавина “Ленин в Горках] *Но все проходит. Снова жизнь как жизнь // И зло как зло. И, в общем, все как было. // Но тех, кто не жалел себя и нас, // Пытаясь вырваться из плена буден, // В час отрезвленья, в страшный, горький час // Вы все равно не проклинайте, люди*. Нетрудно заметить, что “в связке” с *часом* слово *отрезвление* понимается в совершенно определенном – духовном, – а не, скажем, психо-физическом, смысле: утро булгаковского Степы Лиходеева, к примеру, никак нельзя назвать *часом отрезвления* (*час* этот приходит к Степе несколько позже). Равно как и к слову *протрезвление* – в силу более узкой и конкретной семантики – *час* не приложим.

Выстраивается ряд: *час потери* (но не *утери, пропажи*), *час обретения* (но не *приобретения*), *час постижения* (но не *уразумения, уяснения*). Во всех этих и подобных случаях *час* выбирает имена событий, способных пополнить духовный багаж, отмечая тем самым этапы роста личности или общества, но общества, заметим, понимаемого по аналогии с личностью, а не скажем в экономическом, социально-историческом планах, относительно которых *час* не может быть использован.

Итак, *час* и *минута* обладают разным потенциалом описания времени-жизни: *минута* – “частное”, преходящее; *час* – общезначимое, непреходящее. Будучи же употреблены относительно одного и того же имени события (состояния, действия), *минута* и *час* заставляют осмыслить его по-разному, ср.: *минута забвения* и *час забвения*; *минута безумия* и *час безумия*. *Минута* побуждает понять *забвение, безумие* как

³ Слово “путь” мы употребили здесь не случайно. Сказав “путь”, мы неявно сообщили о направлении времени, которое манифестируется *часом*. Ср. определение Пути в мифо-поэтической и религиозной традиции как образа связи между двумя отмеченными точками пространства [Топоров 1991: 352]. В нашем случае этими точками “жизненного пространства” являются, по-видимому, рождение и смерть. Кроме того, сказав “путь”, мы неявно сообщили и о трудности его преодоления: “трудность является неотъемлемым свойством Пути в мифопоэтической картине мира” [Топоров 1991: 352]

п р е х о д я щ и е д у ш е в н ы е с о с т о я н и я, с р.: *Остается только мечтать о минуте забвения; В минуту забвения он написал это; В минуту безумия он сжег черновик* и под. Час позволяет осмыслить забвение и безумие как д у х о в н ы е категории, тем самым существенно редуцируя психо-физический аспект конкретных состояний, с р.: *В час безумия я согласился на это выступление; В час забвения ...* здесь хочется сказать *всеобщего*, и это не случайно: час укрупняет описываемое либо в плане проекции на некую линию жизни, судьбы, либо в плане глобального осмысления субъекта (*час забвения нации*); при этом забвение понимается не как отключение психо-физическое, а как “обморочек духовный” (= потеря памяти о “корнях”, о “норме” и пр.).

Духовное время н а п р а в л е н о (это, действительно, “путь”). Поэтому каждый отдельный час X-а мыслится не изолировано, но в некоей перспективе: он з а к о н о м е р е н в плане “роста”. Понятно поэтому, что с именами, однозначно называющими духовное, а не душевное, м и н у т а не сочетается, с р.: *час покаяния*, но *минута раскаяния*. Соответствующие события и проецируются различно, с р.: *Час покаяния еще не наступил* и *Пока не наступила минута раскаяния, выпьем еще шампанского; Я чувствую приближение минуты раскаяния и Я верю, что час покаяния близок*.

Поскольку душевные состояния в принципе хаотичны, не отмечены какой-либо “путеводной” заданностью, *минуты* могут быть “хорошими” и “дурными”, “злыми” и “добрыми”. Сказанное справедливо и для нейтрального слова *время*⁴, обладающего к тому же и более широкими, по сравнению с *минутой* и *часом*, возможностями описания. При *часе* же X-ами не могут быть названия событий, ситуаций, исключающих осмысление в перспективе “пути”, “духовного роста”. Ср. в связи со сказанным следующие ряды противопоставлений: *час смирения*, но не *упрямства*, не *своеволия*, не *гордыни*, не *тщеславия*, не *суесловия*; *час прощения*, но не *осуждения*; *час верности*, *мужества*, но не *предательства*; может быть *час сомнения*, но не *час малодушия*; *час беспамятства*, но все же не *час отупения*, *одурения*. Мы видим, что *часом* не могут быть отмечены события, либо исключающие возможность будущей просветленности, либо прямо ведущие к духовной гибели. Ср. между тем корректность сочетаний типа *минута малодушия*, *время гордыни* и *суесловия*; *минута упрямства* и *время всеобщего одурения*.

Понятно, что духовному времени чужды и разного рода утилитарные понятия, поэтому может быть *время* (а не *час*!) *здорового смысла*, *торжества* *практицизма*, *бережливости*, *осмотрительности*.

Час подразумевает н е и з б е ж н о с т ь X-а, его п р е д н а ч е р т а н н о с т ь, что навевается значением *часа* как определенного времени суток: *Есть час Души, как час Луны...* (М.Цветаева).

Непрестанное возобновление природных *часов* позволило Ф.И.Тютчеву сформулировать общезначимую (ср. выбор формы бытийного предиката!) закономерность: *Есть некий час, в ночи всемирного молчанья, // И в оный час явлений и чудес // Живая колесница миро-*

⁴ Ниже мы лишь коснемся примеров, сопоставляющих *час* и *время*, поскольку они непосредственно относятся к обсуждаемой теме; собственно же сопоставлению этих слов как манифестантов моделей времени посвящен отдельный раздел.

зданья // Открыто катится в святилище небес. По аналогии с Тютчевым (взяв первые строки в качестве эпиграфа) М.И.Цветаева утверждает свою закономерность, но уже относительно жизни личности: *Есть некий час – как сброшенная клаж: // Когда в себе гордыню укротим. // Час ученичества – он в жизни каждой // Торжественно-неотвратим.* Основанием этой закономерности служит общность человеческих судеб. Обращаем внимание на “мы” в глаголе (*укротим*) и на выбранное поэтами определение *часа*: местоимение *некий* подразумевает знакомство говорящего с предметом описания (см. [Падучева 1985]), таким образом *некий час* указывает на заранее известный “срок”, имевший место не однажды, с точки зрения говорящего, и в этом смысле закономерный, ср. у Б.Пастернака: *Может статься так, может иначе, // Но в несчастный некий час // Духовенств душей, черней иночеств // Постигает безумье нас.* Опять же интересно это “мы” инклюзивное: *час* пастернаковского *безумия*, как и *час ученичества*, неотвратимы для посвященных – “нас”, а не “их”. Типологизированность *часа* в последнем случае выражена и формой НСВ глагола (*постигает*).

З а м е ч а н и е. Тема общезначимых *часов* (да и сама синтаксическая форма их представления) была открыта, по-видимому, А.С.Хомяковым, его стихотворением “Два ча са”, ср.: *Есть час блаженства для поэта. // Когда мгновенною мечтой // Душа внезапно в нем согрета // Как будто огненной стрелой ... Но есть поэту час страданья. // Когда восстанет в тьме ночной // Вся роскошь дивная созданья // Перед задумчивой душой.* Этот пример, между прочим, показывает, что не обязательно прямо отталкиваться от природного *часа*, чтобы сформулировать “правило” *часа* личности. Обратим внимание и на выбор дательного падежа для субъекта *часа страдания*: дательный служит дополнительным языковым средством подчеркивания не избяжности *часа* благодаря тому, что эта форма вступает в ассоциативный ряд дательного “подневольного” субъекта инфинитивных и безличных предложений, сообщающих о неизбежности действия, названного предикатом. Заметим, что предложенный А.С.Хомяковым синтаксический вариант – *есть поэту час страданья* – возможен за счет ассоциативной связи *часа* с *порой*, которая, в отличие от *часа*, имеет узаконенный языком безличный синтаксический тип употребления.

Таким образом, ‘общезначимость’ позволяет *часу* употребляться в сфере действия предиката *есть*. Естественно предположить, что *минута* такой способностью не обладает. В самом деле, о *минуте* можно сказать *есть* только в плане описания времени природного, ср.: *Есть такая минута перед самым закатом, когда...* При описании же времени душевного мы должны использовать форму мн. числа, передающую идею собирательности и по параметру ‘обобщение’ коррелирующую с предикатом *есть*, ср.: *Есть минуты, когда не тревожит // Роковая нас жизни гроза* (Ф.Тютчев). Обратим внимание, что для *часа*, напротив, невозможно общезначимое обобщение в форме мн. числа: сочетание *есть часы...* не поддается осмыслению, сказать же *бывают часы...* можно.

Последние примеры подводят нас к мысли о том, что на возможность обобщения в описываемой нами сфере влияет фактор идиоматизации: поскольку *минуты* (а не *часы*!) являются конвенциональным языковым средством описания “душевного времени”, фраза *Есть минуты, когда...* корректна, а фраза *Есть часы, когда...* – нет. *Часы*, называющие душевные состояния, – это уже индивидуальное, авторское средство, поэтому они не могут служить собирательным выражителем общезначимого душевного времени. Здесь, конечно, на память

приходят тютчевские же строки: *Есть и в моем страдальческом застою // Часы и дни ужаснее других*. Однако употребление *часов* в них не противоречит общему правилу, ведь бытие этих *часов* утверждается относительно конкретной жизни.

Вообще, возможность употребления временных показателей в контексте разного рода бытийных предикатов (*есть, бывает, был...*) служит дополнительным языковым аргументом в пользу тех или иных семантических гипотез, но во избежание излишней детализации сейчас мы ограничимся предложенными наблюдениями.

Итак: а) по сравнению с “внесрочными” душевными *минутами час* “духовен” (манифестирует время общезначимое, направленное); б) по сравнению же с *минутами* “срочными” (*минута расставания; минута мщенья*), ограниченными уровнем повседневности и горизонтом частного существования, *час* судьбозначим. В качестве итоговой иллюстрации этого тезиса приведем примеры, в которых выбор временного показателя неявно несет информацию о “качестве” описываемой жизни: *Свою роль ангела-хранителя Булгакова Елена Сергеевна знала твердо, ни разу не усомнилась, в трудный час ничем не выдала своей усталости* (В.Лакшин); [об аресте мужа героини] *До чего же Тимур ее доендурил, – смеялись крестьяне, – что она в такой час вспомнила о полотенце* (Ф.Искандер); [и снова об аресте] *В час прихода этих людей он сидел за столом и мирно раскладывал пасьянс* (С.Голицын).

3. ЧАС VS. МИГ

3.1. Начнем с противопоставленности этих временных показателей по линии уникальность, неповторимость, единичность (*миг*)/обобщенность, типологизированность (*час*) (заметим, что именно в силу своей уникальности *миг* невозможен в контексте предиката *есть*, ср: **Есть миг...*). Ср. примеры: *Приходит миг раздумья. Истомленный, // Вникаешь в полнозвучные слова* (К.Бальмонт) и [из “Предсмертной исповеди христианина”] *Несправедливостью судеб // Я огорчился в час раздумий, // Но зарабатывал мой хлеб // Без возмущений и безумий* (З.Гиппиус). Типологизированность *часа* подкрепляется формой мн. числа имени (*раздумий*), которая невозможна при *миге* как раз в силу его единичности, уникальности.

Основанием для обобщения *часа X-a* может служить спроецированность *X-a* на определенное время суток (и соответствующий регулярный повтор), ср. предпочтительность “собирающей” формы мн. числа имени в род. падеже в подобных случаях: *Вечерний звон у стен монастыря ... Час горьких дум, о, час разуверений* (А.Ахматова).

З а м е ч а н и е. Обсуждая в предыдущем разделе характеристики духовного времени, мы в качестве примеров приводили такие, в которых имена событий были даны в ед. числе – рассматривался *час безумия*, а не *безумий*, *час сомнения*, а не *сомнений*.

Если мы зададимся целью сформулировать “правило” выбора числа для имени в род. падеже, то у нас получится примерно следующее: только ед. число для имен, обладающих “единичностью”, связанной с неповторимостью духовных шагов: *час осознания, покаяния, смирения*. Такие имена не “собираются” с помощью формы мн. числа. С этой точки зрения *безумие* допускает двойное осмысление: в духовном плане (и тогда только единственное число, ср.: *Это был час всеобщего безумия; В час безумия он принял решение участвовать в чем-*

пионате) и в плане “действия по типу X-а” (и тогда мн. число). Но в последнем случае (*час безумий*) объект уже выходит за рамки нашего рассмотрения, поскольку *час* описывает время типологизированное на основе регулярного повтора (*Я всегда с нетерпением жду этого часа безумий, прозрений, постижений, вдохновений*). Заметим, что такой *час* относится по преимуществу к отдельному человеку, либо называет период суток как таковой, ср.: *Ночь – час прозрений*. Интересно, что “диахронический” коррелят *часа – пора* – подчиняет в подавляющем большинстве случаев собирательные имена, и если у слова есть форма мн. числа, то именно она для *поры* является предпочтительной, ср.: *Юность – пора надежд* (а не *надежды*); *Вечер – пора прозрений* (а не *прозрения*). То есть *пора* описывает время, типологизированное именно на основе природных возвратов и повторов. Для *часа* же в русском языке открыта и другая возможность – описывать закономерность наступления события вне связи с природными циклами (*час прозрения, сомнения...*).

Строго говоря, типологизированность *часа*, которая задается его соотношением с суточным кругом, мы должны были бы оставить и в дальнейшем сопоставлять примеры типа *миг осознания* (единичен, конкретно-референтен, неожиданен, редок) и *час осознания* (всеобщ и закономерен); *миг утраты...* и *час утраты...* Но этот путь подводит нас к новому сопоставительному аспекту.

3.2. Оба временных показателя описывают нечто, поднятое над повседневностью, особо важное с точки зрения говорящего, но *миг* в нем планов, неожиданен, всегда нов; *час* же мыслится, скорее, в терминах неотвратимости и предрешенности: событие, отмеченное *часом*, не случайно. Пример: *Онегин, помните ль тот час, // Когда в саду, в аллее нас // Судьба свела...* Для Татьяны встреча с Онегиным является одним из проявлений судьбы, и сама любовь мыслится в категориях духовного – испытывающего – времени. Сопоставим с этим другое восприятие и описание любви – в терминах надбытового времени *мига* (эмоционально насыщенного, особо значимого и неповторимого): *Когда, как в клетке запертый орленок, // В груди забьется сердце и когда // Природа нам шепнет: “Ты не ребенок”, – // В тот миг я полюбил...* (Л.Мей).

Можно сказать и так: *час* наделяет событие (в наших случаях оно названо именем в род. падеже) признаком “истинность” в смысле его справедливости, закономерности, неизбежности для данной судьбы; *миг* же, будучи и исключительно важным эмоционально, этой информации не несет.

В указанном плане весьма показательным одно словоупотребление В.В.Розанова: описывая событие трагическое, переломное в жизни писателя (речь идет о Гоголе), он осмыслил его в терминах *мига*, а не *часа*. Пример: *Помешательство – минус души, а не плюс. Но с Гоголем никак не было неинтересно в миг сожжения рукописи...* Говоря *миг*, а не *час сожжения*, В.В.Розанов отдает должное исключительности этого события, но все же не включает его в разряд судьбозначимых, а следовательно – неизбежных, predetermined. *Миг* свидетельствует, что, с точки зрения Розанова, “сожжение рукописи” не необходимый этап в судьбе писателя (“Помешательство – минус души, а не плюс...”).

Противопоставленность *мига* и *часа* по указанному признаку подтверждается и эпитетами: *час – урочный, определенный, должный, заветный, неизбежный*, т.е. такой, каким *миг* быть не может.

Мы сказали об “истинности” *часа* в плане его справедливости, непреложности, но она проявляется и в том, что *час* непреходящ, его результат неотменим. *Миг* же удержать невозможно, ср. бальмонтовскую

грусть по поводу того, что *Миг встречи душ уходит безвозвратно*. Заметим, что *час встречи душ* остался бы; и не просто следом, воспоминанием, но неким результатом, определяющим дальнейшую судьбу этих “душ”. Рассмотрим в связи со сказанным пример: [из “Гимна Солнцу”] *Там день есть меж днями, когда небосвод // Миг правды дает за обманы. // И тот, кто томился весь год без лучей, // В миг правды – богаче избранных дней* (К.Бальмонт). *Миг* подчеркивает исключительность и мимолетность этой “правды” (ее место не могла бы занять абсолютная и непреходящая “истина”). *Час правды* знаменовал бы глобальное разрешение ситуации и был бы не отменен, не скоропреходящ.

З а м е ч а н и е. Вообще, эта “разрешающая” семантика *часа* – как исхода ситуации – весьма интересна. Мы остановимся на данном вопросе при сопоставлении *часа* и *поры*, а сейчас, в предварение, лишь заметим, что русский *час* тяготеет к точке конца, из всей “нити бытия” (слова М.Волошина) он скорее выберет конечное, а не начальное (ср. идиоматизацию именно *последнего часа*⁵).

Противопоставленность *мига* и *часа* по линии отсутствия/наличия предопределенности, неизбежности, предписанности законом судеб находит интересное выражение у М.Ю.Лермонтова при интерпретации, по существу, одного и того же события – гибели поэта: в одном случае она неизбежна (*час*), а в другом – трагически нелепа, случайна (*миг*). Ср.: *Я говорил тебе: ни счастья, ни славы // Мне в мире не найти; – наступит час кровавый, /// И я паду; и хитрая вражда // С улыбкой очернит мой недоцветший геней... и ... Не мог ценить он нашей славы; // Не мог понять в сей миг кровавый, // На что он руку поднимал!...*

3.3. Миги и мгновения – элементарны, это мельчайшие частицы онтологического времени; *час* же не может быть осмыслен как атом времени в его первозданности. С этим связана новая линия противопоставлений.

Миг воспринимается непосредственно (как мельчайшая частица онтологического времени) и поэтому может описываться в терминах *первичного* восприятия, ср.: *О, запах пламенных духов! // О, шелестящий миг!* (А.Блок); *С душою миг познав медвяный, // Еще другой ищущ души* (К.Бальмонт). *Час* не может быть ни *шелестящим*, ни *медвяным*. *Миги* и *мгновения* можно *вкушать*: *Пленительна зеленая планета, // Где человек свой первый миг вкусил* (К.Бальмонт); описываемое ими время может “сгущаться”, “уплотняться” в элементарные частицы “жизненной материи”, ср.: *Когда последнее мгновенье // Мой взор навеки омрачит...* (М.Лермонтов) – *последний час* не способен быть непосредственным “омрачителем” *взора*. *Час*, как и *миг*, может быть *сладким*, но в одном случае (*миг*) это “сладость” непосредственного

⁵ То обстоятельство, что за *часом последним* для носителя русского языкового сознания закреплено вполне определенное содержание, влияет и на перевод. Так, этимологически библейское выражение δωδεκάτης ὥρας (букв. ‘в двенадцатый час’) в переносном употреблении значит ‘в последнюю минуту, перед самою смертью’ [Вейсман 1991: 1367]. Со значением ‘в последнюю минуту’ это выражение вошло в английский язык, ср. примеры на фразему *at the eleventh hour* из Англо-русского фразеологического словаря: *If any guest failed at the eleventh hour, Todd was asked to dine* – *Если в самую последнюю минуту какой-либо гость не явился, тогда приглашали обедать Тода* [Кунин 1955: 569]. В русском же языке *час последний* несет вполне определенные, эсхатологические, ассоциации, и поэтому *hour* в примерах типа вышеприведенного с необходимостью переводится через свободные от этих ассоциаций слова *момент, минута*.

восприятия, а в другом (час) сладкий значит 'желанный', 'приятный', ср.: *И сладок нам лишь узнаванья миг* (О.Мандельштам); *И женщины сплетут ему венец, // Теряя все за сладкий миг обмана, // В проклятьях восхваляя Дон Жуана* (К.Бальмонт) и ... *Тобой дышать до гроба стану. // Мне сладок будет час и муки роковой...* (Д.Веневитинов).

Э л е м е н т а р н ы й миг схватывается непосредственным восприятием и эпитеты отражают эти первичные ощущения мига (вкусовые, звуковые, тактильные); о б о б щ е н н ы й же час предполагает и некоторое о с м ы с л е н и е описываемого, рефлексию. Становится понятно, почему у символистов "позвякивали" именно миги, а не, скажем, часы, ср.: (из "Масок" А.Блока) ... *И позвякивали миги, // И звенела влага в сердце, // И дразнил зеленый зайчик // В догоревшем хрустале...* Миг может выступать как синоним быстротекущей жизни в ее непосредственном ощущении, ср. у А.Ахматовой: *Я люблю только радости мига // И цветы голубых хризантем*

Если время и впрямь является другим названием для жизни, то миг можно рассматривать как атомарную частицу бытия (сущности, заметим, уже п р о с т р а н с т в е н н о -временной!), как "след", о б р а з событий, прошлых или будущих.

Рассмотрим в связи со сказанным пример (из поэмы К.Бальмонта "Лермонтов"), в котором миг описывает некую пространственно-временную сущность, "образ" – время пророческого прозрения: ... *Нет, не случайно он среди громад // Кавказских – миг узнал смертельно сонный, // Где мог он так красиво умереть...* Понятно, что час "узнать" ('распознать', узреть) невозможно, как не может час поясняться с помощью где-предложения. Увидеть, т.е. как бы непосредственно воспринять можно только час природный, например: *От меня, как от той графини, // Шел по лесенке винтовой, // Чтоб увидеть рассветный, синий, // Страшный час над страшной Невой* (А.Ахматова); *Бездыханный покой очарован. // Несказанная боль улеглась. // И над миром, холодом скован, // Пролился звонко-синий час* (А.Блок).

3.4. И наконец, использование часа и мига относительно таких понятий, как "жизнь", "творчество", "рождение", "создание", позволяет заметить явную личностную ориентацию часа, его персоноцентричность: часом могут быть отмечены "жизнь", "рождение", "смерть" ч е л о в е к а, л и ч н о с т и, либо же феномена, который мыслится по аналогии с человеком, наделяется личностным началом, как, например, Россия у А.Белого в "Петербурге", ср.: *С той чреватой поры, как промчался к невскому берегу металлический Всадник ... надвое разделась, страдая и плача до последнего часа – Россия.*

Заметим, что "личностное" начало часа таково, что вряд ли возможно говорить о последнем часе младенца, ребенка – человека, не прошедшего "выковки" предшествующими часами испытаний и в этом смысле не "взошедшего духовно" (по Апостолу Павлу), не подсудного.

Миг же свободно описывает любые природные проявления, в каких-то случаях являясь "естественным", природным аналогом часа, ср.: *И в куколке, до мига воплощенья, // Всю зиму мотылек лелеет плоть* (К.Бальмонт) – час воплощенья так или иначе "персоноцентричен". Еще пример: *Блеснув мгновением серебром, // В реке плотица в миг опаски*

// *Сплетет серебряные сказки* (К.Бальмонт). *Опаска* – мгновенное, импульсивное, преходящее с о с т о я н и е животного. Однако *миг* здесь уместен не только вследствие “микроскопичности” описываемого; к плотице в принципе не приложимо понятие “часа”: в применении к ней можно говорить о *моменте, времени*, но не о *чаше опасности*, который указывает на обработку соответствующей информации духовным опытом субъекта. Ср., между прочим, и некорректность сочетания **час опаски*, вследствие рассогласования частей по признаку ‘наличие/отсутствие духовной рефлексии’.

Как мы отметили выше, творчество, в частности космическое, описывается в терминах *мигов и мгновений*, а не *часов*, из чего можно заключить, что оно мыслится как естественный, с т и х и й н ы й процесс. Проиллюстрируем сказанное: [из “Художника” К.Бальмонта] *Ни раню, ни мыслью не отравлен, // В размерности ты все вбираешь в сон // Своих зрачков. Ты как бы сын племен, – // Которым первый миг земли был явлен* или его же: *Пожар – мгновенье первое земли, // Пожар – ее последнее мгновенье*. Ср. создание стиха, по Б.Пастернаку: *В миг, когда дыханьем сплава // В слово сплочены слова!* Неуместность *часа* в приведенных примерах определяется не столько фактором масштаба, сколько именно “качеством” описываемого: стихийностью “естественных волений” природы и неподотчетностью творчества.

3.5. Вернемся теперь к примеру из К.Симонова (*Но в час, когда последняя граната ...*) и проанализируем в нем закономерность выбора временных показателей. *Миг* и *час* здесь относятся, по существу, к одному и тому же отрезку временной (=жизненной) оси, но интерпретируют его по-разному: *час*, манифестант времени духовного, квалифицирует этот отрезок как р е ш а ю щ и й, с у д ь б о з н а ч и м ы й, *час* здесь – это время выбора, определяющего личность, п о с т у п к а; *миг* же, являясь неким “растяжением самой души” (дефиниция времени переживаемого, данная Бл.Августином), охватывает во внутреннем созерцании всю жизнь (...и в краткий миг припомнить надо...). Можно сказать и так: *час* – это взгляд на описываемое “с в ы с о т ы” духовного опыта, прожитой жизни, а *миг* – это спонтанное восприятие, не сверенное с духовным опытом (и шире – шкалой, системой ценностей).

В подтверждение тезиса о противопоставленности *мига* и *часа* по линии “ближней/дальней” дистанции, с которой ведется описание, приведем еще один случай, когда одно и то же событие интерпретируется сначала в терминах *мига*, а через строку – в терминах *часа*: *Но близок, близок миг победы. // Ура! мы ломим; гнутся шведы, // О славный час! о славный вид! // Еще напор – и враг бежит ...* (А.Пушкин). *Миг* передает живое о щ у щ е н и е битвы, наступающего в ней перелома (“вот-вот...”, “запахло, повеяло победой”); *час* же сигнализирует об о с о з н а н и и происшедшего. В первом случае о победе говорит как бы участник событий, а во втором – историк. Переход от *мига* к *часу* свидетельствует об изменении позиции интерпретатора: в самом деле, с каждой строкой взгляд на происходящее (битву) становится все более и более “внешним”, в итоге – “всеохватывающим”. Продолжим в подтверждение цитату: ... *И следом конница пустилась, // Убийством тупятся мечи, // И пашими вся степь покрылась, // Как роем черной саранчи.*

В качестве точки над *i* приведем пример, в котором *победа* допускает интерпретацию только в терминах *часа* (в силу особого ее понимания автором): [*Открой мне, Боже, открой людей!*] *И в час победы – возьми меня.* // *Возьми, о жизни моей Властитель,* // *В Твое сиянье, в Твою обитель,* // *В Твое забвенье возьми меня* (З.Гиппиус). *Победа* здесь является неким духовным итогом существования личности. Отмечающий этот “всход” (прорастание “тела духовного”) *час* одновременно является и *последним часом* земного существования.

4. ЧАС VS. ПОРА

Оба эти слова способны к описанию времени, которое мыслится: а) как п е р и о д , занятый действием (для *поры* прототипом выступает природное время): *вечерняя пора/вечерний час* и б) как м о м е н т , с которого действие должно вступить в силу, начать осуществляться: *пробил час, настала пора...*

Однако в первом случае, при описании природного времени, *час* связан условием масштаба: согласно современной норме, природный *час* может описывать часть суток, а не, скажем, часть года; *пора* в этом плане более свободна, ср. примеры, в которых *час* и *пора* сопоставимы по масштабу: *Юный месяц идет к полуночи:* // *Час монахов – и зорких птиц,* // *Заговорщиков час и юношей,* // *Час любовников и убийц* (М.Цветаева); *Уже светло, поет сирена* // *В седьмом часу утра.* // *Старик, похожий на Верлена,* // *Теперь твоя пора!* (О.Мандельштам). И хотя бы один короткий пример их несопоставимости: *Октябрь... Пора отлета птиц* (О.Малевич).

О тесных ассоциативных связях *часа* и *поры*, называющих момент активизации действия, свидетельствует их частое контекстное соседство, например: *Благослови, родная: час пробил!* // *В груди кипят рыдающие звуки,* // *Пора, пора им вверить мысль мою* (Н.Некрасов); *Оборвана цепь жизни молодой,* // *Окончен путь, бил час, пора домой,* // *Пора туда, где будущего нет,* // *Ни прошлого, ни вечности, ни лет...* (М.Лермонтов). Приведенные примеры иллюстрируют справедливость пословицы: “Час придет и пору приведет”.

З а м е ч а н и е. Вообще говоря, в точном смысле понятия периода, занятого действием, и момента, с которого действие должно начать осуществляться, приложимы только к слову *пора*, имеющему, как известно, два типа употребления: 1) номинативное – *пора* в значении существительного (*Прошла пора сбора урожая; Настала пора реформ*); 2) предикативное – *пора* с инфинитивом в составе предиката (*Пора собирать урожай; Нам пора с ним рассчитать*). В первом случае *пора* – это период, а во втором *пора* – этот момент; номинативная *пора* это *пора чего, пора какая*, предикативная же *пора* исключает заполнение этих качественных валентностей (ср.: *Настала долгожданная пора отпусков* при невозможности **Настала долгожданная пора идти в отпуск*), всегда подчиняет инфинитив, а в качестве субъекта, который должен совершить действие, названное инфинитивом, имеет дательный падеж (*Нам пора уходить*).

Существенно, что период, занятый действием, может мыслиться по-разному: как длящийся (*Была пора сбора урожая*), как прошедший (*Она прошла, пора стихов,* // *Пора любви, веселых снов,* // *Пора сердечных вдохновений* (А.Пушкин)). Момент же активизации как прошедший мыслится не может, поэтому с инфинитивом хорошо сказать *Пришла пора собирать урожай* и плохо **Прошла пора собирать урожай*.

По возможностям употребления *час* лишь отчасти сопоставим с *порой*. Во-первых, *час* не способен к безличному употреблению: можно сказать *Нам пора уходить* и нельзя **Нам час уходить*. Во-вторых, даже и в номинативном употреблении *час* не всегда описывает период, занятый действием, ср.: *Настала пора демократических преобразований* (*пора* – ‘период’) и *Настал час расплаты*; *Пришел час осознания* (*час* – ‘?’) – вне контекста неясно, идет ли речь о моменте актуализации соответствующего действия или о периоде, который уже занят им. Кроме того, не зависимо от того, описывает ли *час* период или момент, он не может мыслиться как *п р о ш е д ш и й*, ср.: *Прошла пора сомнений и надежд* при невозможности **Прошел час осознания*.

Таким образом, *час* и *пора* сопоставимы только в тех случаях, когда речь идет о чем-либо наступающем или наступившем, но не прошедшем. Это примеры типа: *Пришла твоя пора*; *Мой час настал* (тривиальные аналогии между *часом* и *порой* при обозначении времени суток – *вечерняя пора/вечерний час* – мы, разумеется, оставляем без внимания). В данной, общей для *часа* и *поры*, области они описывают нечто, близкое смыслу ‘своевременность’. Однако у каждого из слов *с в о и о с н о в а н и я* для утверждения этой своевременности. На них мы и сосредоточим внимание в дальнейшем, поскольку именно этот аспект, по нашему мнению, является смысловым стержнем противопоставления *часа* и *поры*.

Рассмотрим простейшие примеры: *Пришел твой час/Пришла твоя пора*. *Пора* сообщает о наступлении, в силу накопления необходимых признаков, нового периода в развитии ситуации – времени, благоприятного для действий, активных проявлений; эта ‘вызревшая’ *пора* как бы и открывает следующую временную (= деятельностную) перспективу. *Час* же, прежде всего, не ‘вызревает’, не ‘накапливается’ (предшествующим ходом вещей); выражение *час настал* может описывать наступление события в полном отрыве от каких-либо аспектов ситуации (то есть не мотивируемое *в н е ш н и м* развитием), ср. блоковское: *Но час настал. И Ты ушла из дому...*

Час, пробивший, наступивший, пришедший, не обязательно предполагает открытие новой деятельностной перспективы – он может быть и последним во временном (= жизненном) ряду: *И час пробил! его нежнейший друг // Стал медленно слабеть* (М.Лермонтов). *Пора* же, наступившая, пришедшая, в принципе не может быть последней, она не может быть заключительной точкой развития, разрешающим итогом. А *час* – может: *Последний лист падет со древа // Твой час последний прозвучит...* (Е.Баратынский).

Таким образом, *пора* описывает своевременность как проявление *з а к о н о м е р н о с т и* в развитии данной, конкретной ситуации в силу накопления необходимых признаков для наступления события: *Устали, пора расходиться*; *Снова пришла пора сбора винограда*. В основании же своевременности *часа* лежит идея неизбежности события с точки зрения некоего всеобщего Закона (а не конкретной закономерности); своевременность здесь – это *с п р а в е д л и в о с т ь* закона. Становится понятным, почему внешне *час* может быть никак не мотивирован и при этом неминуем.

Из сказанного ясно, что *час* – как ‘веха’ в судьбе – не прогнозируется, а является, скорее, предметом *в е р ы* (*час* справедливости) или

з н а н и я (последний час). Примеры: *Она верит, что час ее пробьет, что она полюбит и будет любить идеально* (И.Гончаров); *Она верит, что рано или поздно час ее пробьет – и все вокруг поймут, наконец, какая необычайная жизнь сгорела на их глазах* (В.Бахметьев); *И дни Творцу она вручила ... Не сетуя на смертный час* (В.Жуковский) – то есть зная о неизбежности и неминуемости этого часа (не сетуя на “идею” смертного часа).

То, что час входит в некий априорный набор “жизненных сроков”, а пора мыслится как органически созревшая в условиях развивающейся ситуации, в рамках каждой отдельно взятой жизни, хорошо видно из сравнения возможностей употребления этих слов в разных модальных перспективах: *пора*, в отличие от *часа*, не употребляется в ирреальной модальности, случаях типа **Еще не настала пора с ним рассчитаться; *Когда же наступит пора с ним рассчитаться*. Ср. между тем у Д.Веневитинова (о *чаше* активных проявлений) ... *Твой час еще не наступал*. Сказать **Твоя пора еще не наступала (не наступила)* плохо, поскольку о *поре* можно говорить только в режиме констатации факта. Еще примеры: *О милый друг, спеши, пока // Еще не бьет последний час* (А.Беленсон); [об идее “Москва – третий Рим”] *Схема взята привычная из византийской апокалиптики: смена царств или, вернее, образ странствующего Царства или Град в странствии и скитании, пока не придет час бежать в пустыню* (о. Г.Флоровский).

Таким образом, обладающие несомненной исторической общностью – выросшие из одного концептуального ядра – *час* и *пора* как бы поделили сферы описания: своевременность *поры* мотивируется явными предпосылками, а своевременность *часа* – соответствием тайным срокам. Ср. представление закономерности наступления одного и того же события (любви) с помощью этих слов-интерпретаторов: [о сердце] *Но в час свой урочный // Узнает оно цепей неизбежное бремя* (М.Лермонтов) и ... *И в сердце дума заронилась... Пора пришла. Она влюбилась...* (А.Пушкин).

5. ЧАС VS. ВРЕМЯ

Этот раздел неадекватен в плане количества предлагаемого к рассмотрению материала. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее значимых (для выявления особенностей *часа*) сопоставительных аспектах, прекрасно сознавая, что само слово *время* могло бы задать общую схему сопоставлений рассматриваемых нами временных показателей, схему с полным набором таксономических временных характеристик, ведь именно оно способно к описанию всего спектра временных значений – от континуума до точки, любого “качества” и значимости, – именно *время* выступает практически ко всем вышеупомянутым показателям (*момент, минута...*) в роли некоего нейтрального коррелянта, который высвечивает (отсутствием свойств и своей универсальностью) яркость и неповторимость партнера по оппозиции (ср. практически полное синтаксическое совпадение у слов *время* и *пора*). Нашу же задачу мы видим в том, чтобы сказать нечто о *чаше* на фоне *времени* в плане установления каких-то интересных свойств *часа*.

По преимуществу нас будут интересовать выражения типа *в этот час* и *в это время* в аспекте возможностей “качественного” заполнения

соответствующих временных промежутков. Ср. примеры: (а) *В этот час (время) россиянам необходимы мужество и стойкость* и (б) *В это время (?час) россиянам необходимо повысить зарплату*. В (а) *час* интерпретирует временной отрезок как судьбозначимый для россиян и поэтому является более эффективным средством описания по сравнению со словом *время*, которое, во-первых, лишено целостности *часа* (как кванта времени); во-вторых, не содержит априорной идеи масштаба (*час* – относительно некоего жизненного целого, судьбы, а *время* – ?...) и, наконец в-третьих, не несет идеи неизбежного, объективно предопределенного срока. В (б), напротив, *время* предпочтительнее *часа* уже в силу самого характера событийного заполнения, который снимает вопрос о судьбозначимости описываемого временного отрезка, а следовательно – о “сроке” и о “пути”. То, что выбор *часа* определяется характером событийного заполнения, а не масштабом описываемого, подтверждает сравнение следующих примеров: *В это время в России проводится всемирная шахматная олимпиада* (*час* в этом контексте может быть использован только в “количественном” значении – времени суток) и *В этот час в России проводится всеобщая мобилизация* (судьбозначимый *час* уместен в силу “качества” описываемого события, несмотря на то, что по параметру “количество” оно заведомо большее, чем олимпиада). Ср. смысловой эффект использования *часа* в следующем отрывке из “Смерти Иоанна Грозного” А.К.Толстого: *Сын Федор – ты в тяжелый, трудный час // Восходишь на престол – в отличие от времени, час позволяет выйти за пределы социально-исторической интерпретации временного интервала в область духовных ассоциаций*. И ср. приоритет *часа* при описании следующих ситуаций: *В этот час в России рождается новое понимание государства; В этот час Россия с тревогой смотрит в будущее; В этот час Родина требует от вас жертвы...*

З а м е ч а н и е. Приведенные примеры позволяют еще раз коснуться темы “Час как показатель описания с д и с т а н ц и и, на расстоянии”. В рассматриваемых нами случаях отрезок *в этот час/в это время* мыслился г л о б а л ь н о. Как кажется, именно эта масштабность позволила вести описание в плане настоящего времени (настоящего а к т у а л ь н о г о !). Если же мы изменим “масштаб” – зададим осмысление наших временных отрезков как вместилища частной судьбы, – то возможность описания в терминах настоящего актуального ставится под вопрос (разумеется, только для *часа* как обозначения судьбозначимого, а не природного времени, ср. в пояснение: *В этот час Петя должен быть в библиотеке – бытовой эпизод из частной жизни – и В этот час мы должны забыть былые распри – час задает глобальное осмысление ситуации*). Под вопрос ставится и возможность самоописания в таком временном режиме. Кажется гораздо более естественным использование судьбозначимого *часа* при описании 1-го лица в плане “настоящего исторического” или каких-либо прошедших времен, например: *В этот час я еще не знал, через что мне предстояло пройти; В этот час я готов был простить ей все...*

И еще об одной особенности *часа*, обсуждение которой поможет нам перейти к следующему разделу, – *час* легко находит “владельца”: *мой, твой, его час*. Впрочем, в свете всего вышесказанного эта персональная ориентация *часа* уже не вызывает удивлений. Пример: *Италия, отчизна вдохновенья! // Придет мой час, когда удастся мне // Любить тебя с восторгом наслажденья, // Как я люблю твой образ в светлом сне* (Д.Веневитинов).

По указанному признаку *час* решительно противостоит слову *момент*, ср. некорректность сочетаний **мой, твой ... момент*. И это по-

нятно, ведь *момент* – это слепок в н е ш н и х обстоятельств, которые могут мыслиться как благоприятные или неблагоприятные, но которые исключают какое-либо посессивное понимание (о русском *моменте* см. подробнее в [Яковлева 1994]).

Рассмотрим в качестве подытоживающего пример, в котором использование *часа* задает интерпретацию всей описываемой ситуации. Замена же *часа* на *момент* меняет и смысл этого “целого”: *Позволительно, думаю я, всякому честному русскому, искренне любящему свое отечество, в этот решающий час слегка досадовать на тех, кто влиянием своим ... толкнул его на эту гибельную войну* (П. Чаадаев). Очевидно, что *решающий момент* в приведенном контексте значил бы нечто иное по сравнению с *решающим часом*, а именно: *момент*, вследствие тесной связи с обстоятельствами, событиями на описываемом временном отрезке, в сочетании со словом *решающий* сигнализировал бы о п е р е л о м е в обстоятельствах, повороте событий, которой в принципе мог бы быть и благоприятным, несущим облегчение, удачу и проч. *Час* же, являясь единицей времени духовного, ниспосылаемого, в сочетании с *решающий* подчеркивает судьбозначимость событий, к каковым прежде всего относятся испытания, трудности, лишения.

Рассмотренные особенности *часа* заставляют нас вспомнить о *чаше* библейском, *чаше* Нового Завета.

6. ЧАС В СВЕТЕ БИБЛЕЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНАХ И СРОКАХ

Бог в Библии разговаривает с человеком на языке времени активно: посылая на землю *дни бедствий, годину искушения* и под. Понимать “знамения времен” – значит понимать смысл происходящего. В Ветхом Завете сроки свершения земных судеб предсказываются в терминах *дней, времени, лет, времен*, но окончательным, всеразрешающим, сроком является День Господень – Судный День, День Страшного Суда, Второго Пришествия. С одной стороны, этот День “назначен”, неминуем (“Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством преопределенного Им Мужа” (Деян. 17.31)), а с другой – время его наступления неизвестно (“...день Господень так придет, как тать ночью” (Фесс. 5.2))⁶.

Новый Завет несет идею нового срока – *часа*, часа Иисуса. И *час* этот становится как бы естественной частью ранее предсказанного *дня*.

З а м е ч а н и е. Подчеркнем: *час* Нового Завета – это не лингвистическое нововведение, следствие языка, на котором написаны Евангелия. В древнееврейском языке был “час” (*шаа*) как обозначение части суток, и это слово встречается в Кн. Пророка Даниила в значении момента (“точки”) – “В тот самый час вышли персты руки человеческой, и писали против лампы на извести стены чертога царского ...” (Дан. 5.5) – и в количественном значении – “Тогда Даниил, которому имя Валтасар, около часа пробыл в изумлении, и мысли его смущали его (Дан. 4.16).

Как кажется, выбор в Новом Завете именно “часа” (*ѡра*), а не, скажем “времени”, “дня”, для описания определенного круга ситуаций, и реконструкция на основе этого выбора нового типа времени относятся к области мировоззренческих проблем. Последовательность и регулярность перевода новозаветного *ѡра* в Евангелиях на латинском, церковнославянском и русском (здесь мы опираемся на сопоставление параллельных текстов Евангелия от Матфея [Новый За-

⁶ Здесь и далее все цитаты из Библии даются по изданию [Библия 1983].

вет 1993]) позволяют усмотреть в этом слове некую терминологическую значимость – соотношение с общей системой языка времени в Библии⁷.

Впервые мы о *чаше* слышим на брачном пиру в Кане Галилейской: “И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус же говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час мой” (Ин. 2.3–4).

То, что *час* этот мыслится как некий тайный срок, который не зависит ни от воли отдельных лиц, ни от внешних событийных поворотов, хорошо видно из следующих примеров (мы идем дальше по тексту Евангелия от Иоанна): *И искали схватить Его; но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его* (7. 30); *Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его* (8. 20). Эти русские переводы хорошо показывают и специфику “своевременности” *часа* по сравнению со “своевременностью” *поры*, которая в приведенных контекстах была бы неуместна.

Час Нового Завета задает перспективу нового времени. Попробуем тезисно наметить отличительные черты этого времени, сопровождая их языковыми иллюстрациями.

1. “**Персоцентричность**”: это время “движется” поступками отдельных людей, движениями их душ. Иными словами, наступление или ненаступление “*часа*” определяется духовными человеческими проявлениями: ... *вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников ... : вот приблизился предающий Меня* (Мф. 26. 46)⁸. Этот пример показывает, как приближение *часа* может угадываться по деталям мира внешнего: приближение предающего является сигналом о приближении *часа* крестной жертвы, или даже иначе – приближение предающего ведет к *часу* казни и искупления. Существенно, однако, что “*детальми*”, по которым можно судить о надвигающемся *чаше*, являются именно **п о с т у п к и** отдельных людей, их душевные проявления, а не, скажем, какие-то природные знамения (которые могли бы сигнализировать о приближении “*дня*”). Так, отсутствие стойкости учеников, их колебания тоже служат своего рода “*знаком*” приближения *часа*: *Вот, наступает час, и наступил уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного ...* (Ин. 16. 31–32).

2. **Духовность**, в основании которой лежит крестная жертва самого Иисуса: “Я пришел не судить мир, но спасти мир” (Ин. 12. 47). “*Час*”, спровоцированный, “приближенный” предательством (и шире – грехом), одновременно является и спасительной жертвой в добавление к Судному Дню Ветхого Завета.

Час манифестирует время, испытывающее; Иисус (это повторяется во всех синоптических евангелиях) говорит ученикам: *Когда же будут*

⁷ Нужно сказать, что практика современных переводов Библии далеко не так щепетильно относится к этой сторовости библейских времен и сроков. Так, к примеру, в симфониях “модернизированных” англоязычных Библий “*час*” отсутствует, и соответствующий новозаветный прототип распадается в переводах через *time*, *moment* и даже *day* (ср. в этом плане [Collins Bible 1982]).

⁸ В оригинале, как и в русском переводе, относительно “*часа*” и относительно “*преддающего*” используется один и тот же глагол *πῦυκεν*, что естественно усиливает ощущение каузативной связи между поступком Иуды и наступлением времени испытания Иисуса.

предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать (Мф. 10. 19); Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но, что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой (Мк. 13. 11); Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить; ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить (Лк. 12. 11). Мы видим, что путь учеников мыслится как повторение “часа” Учителя, прохождение через “час”. Таким образом, испытание является необходимым условием обретения этой новой временной ментальности.

3. *Час Иисуса* основывается на свободе выбора, наличии “воли выбирающей”, которая предполагает не природное стремление, но свободное решение, то есть относится к категории личности. Мы помним, как проходило Гефсиманское борение, но в итоге мы слышим: *Кончено; пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников* (Мк. 14. 41). Часа можно избежать, час может миновать человека (в отличие от дня – Дня Господня, – который в принципе неминуем и всеобщ), ср. у Мк. 14. 35: *И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей.*

Время, которое постулирует новозаветный час, может “миновать”, а может и “наступить”, если выбирается “час”, ср.: *Душа Моя теперь возмущилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое* (Ин. 12. 23–27).

З а м е ч а н и е. Последний пример весьма интересен в плане сопоставления с аналогичной, но ветхозаветной ситуацией, где речь идет об испытании, которое также описывается в терминах времени (но другого!), ср.: [из Книги Есфири] *Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского?* (4. 14).

То, что час манифестирует время экстремального, то, что он не мотивирован ситуативной или природной целесообразностью (как *пора*) и нарушает гармонию космологических ритмов, являясь показателем перелома, выхода из неких жизненных рамок, мы видели и из предшествующих разделов. Вернемся к этому в свете обсуждаемой темы.

Отцу Г.Флоровскому принадлежат слова: “... Христос есть потрясение для природного порядка и ритмов” [Флоровский 1937: 323]. Таким “потрясением” и является час *Иисуса*, час времени Нового Завета, описывающий перелом, слом привычного порядка, выход за пределы возможностей ветхого человека.

Приводя в предшествующих разделах примеры с исконно библейским выражением *наступил час* (и более поздним вариантом *пробил час*), мы отмечали возможность двойного их осмысления: а) как сигнала о наступлении часа *последнего, смертного* (час личной эсхатологии); б) как открытия активной, деятельностной перспективы (в идеале – это время, открывающее истинный смысл происходящего).

Как кажется, возможность двойного прочтения этих фразем заложена уже в новозаветном употреблении часа – манифестанта свободного выбора, ср. о последнем *часе*, который одновременно и час Истины, новой

жизни: *После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего...* (Ин. 17. 1). И ср. у Апостола Павла (Рим. 13. 11) ... *наступил уже час пробудиться нам ото сна...*

4. Время, манифестируемое новозаветным часом, не имеет непосредственной соотносительной связи с укладом внешнего мира, в частности, оно не связано условием масштаба, протяженности “жизненного пространства”. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, мы выйдем из текста Нового Завета в новозаветную тематику и шире – описание реальных, так или иначе связанных с этой новой временной ментальностью.

Пример первый: одна из глав “Сына Человеческого” о. А. Меня называется “Час близится” и начинается словами *До Пасхи осталось около трех месяцев...*

Пример второй. Возможности часа описывать события, не имеющие выхода в конкретный календарь дней, события, совершающиеся в соответствии с неким Законом, а не видимой (природной) закономерностью, то есть часа как некоего сокровенного срока, хорошо видны в следующем отрывке из В.О.Ключевского (речь идет о преп. Сергии Радонежском): *Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои рассеянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.* Понятно, что событие, о котором говорит историк, не поддается какой-либо иной временной локализации – скажем, в терминах дней или лет.

Подчеркнем, невозможность поляризации некоторых событий часа на ось дней, условно говоря календарную, связана не с отсутствием какой-то более “точной” информации о них (их распыленностью, рассеянностью в жизненном пространстве), но именно с принципиально иной сферой их обитания, реализации. В подтверждение предлагаем сравнить два примера, в одном из которых с необходимостью употреблен день, манифестирующий начало библейской истории, а в другом – час, задающий выход в некое мистическое, трансцендентное время, события которого, если и локализуются, то в каких-то иных, не физических, измерениях: (1) *Настоящая история Откровения начинается в тот день, когда некий семит-кочевник из окрестностей Ура Халдейского услышал зов и повиновался повелению свыше;* (2) *Библия в обеих своих частях есть ... повествование ... о действии Бога в мире от самого начала времен и до того часа, когда перед кончиной одного из апостолов, слово Откровения было вручено на хранение Церкви Христовой* (примеры взяты из предисловия к Библии акад. Даниеля-Ропса [Библия 1983: 8*]).

В подтверждение того, что эта независимость от “календаря”, пусть даже и условного, является отличительным свойством часа, ср. два простейших примера, уже не связанных с новозаветной тематикой: *Настал день, когда истина открылась Шиловскому* (из “Дневника” Е.С.Булгаковой) и *Настал час, когда истина открылась ему.* В последнем случае час не только меняет принципы временной, или, лучше сказать, событийной, локализации, но и самоё “истину” осмысляет

иначе (вряд ли то, что открылось Шиловскому, можно описать в терминах “часа”).

Как кажется, приведенного в этом разделе материала достаточно, чтобы сделать вывод о том, что русский *час* в существенной степени наследует специфику *часа* Нового Завета и в силу этого является манифестантом того типа “трудного” Пути, который связан с искуплением (см. об этом в [Топоров 1991]). Существенно и то, что новозаветное понимание *часа* актуализирует в нем идею личности и духовности.

Интересно, что в каких-то случаях *час* оказывается единственно возможным адекватным средством выражения авторского замысла, казалось бы, даже вопреки априорным законам стандартной семантической сочетаемости. Поясним сказанное на примере сочетания типа $t + N2$, где $N2$ – *история*. Мы говорим: *период истории, момент истории*, и кажется, что сочетание *час истории* абсолютно невозможно. Однако у о. С. Булгакова в “Апокалипсисе Иоанна” читаем: *Мы дерзаем молитвенно звать “ей, гряди, Господи Иисусе” и внимать Его ответному обетованию: “ей, гряди скоро” во всякое время, когда слышит Его сердце и призывает Его час истории*. В приведенном отрывке *час* – как показатель тайного, мистического срока, как знак выхода в область трансцендентного – обладает бесспорным приоритетом в описании ситуации: *час* акцентирует в истории не поверхностно-событийное или материальное, но духовное и, быть может неявное, сокровенное содержание.

Тяготение *часа* к описанию духовной, ментальной, а не, скажем, физиологической сферы, сферы природных ритмов и закономерностей, хорошо видно из сопоставления возможностей таких сочетаний, как *пора возмужания* и *час возмужания*. Понятно, что в отличие от *поры*, *час* может быть и “несвоевременным” с т.з. “естественного” роста: *час возмужания* может постигнуть и ребенка, и духовно недозревшего взрослого. При этом, говоря о *чаше возмужания нации* мы имеем в виду “воспитание духа путем прохождения через трудности”, говоря же о *поре возмужания нации* мы, скорее, подразумеваем всесторонний расцвет. И подчеркнем, дело здесь не в масштабе, так, *часом* для русской нации можно, по-видимому, считать период ига, а *порой* – скажем, XVIII век или же начало XIX-го (победу над Наполеоном и пр.).

7. ИТОГИ

Час в русском языковом сознании является носителем модели судьбозначимого времени, в идеале – духовного. Время это:

- 1) “персоноцентрично” – тяготеет к описанию личностного начала;
- 2) имеет направление (мыслится в перспективе “пути”);
- 3) *час* отмечает судьбозначимый перелом (является моментом судьбы), который мыслится как *н е и з б е ж н ы й, н е о б х о д и м ы й, н е п р е л о ж н ы й* в свете данной судьбы, данного “пути”.

Мы перечислили характеристики “судьбозначимости”. Следующий пункт относится к “духовности”, которая не является обязательным компонентом модели *часа*, но зависит от модели мира говорящего (впрочем, вторгаясь в сферу описания духовных ценностей, говорящий должен действовать по законам *часа*, а не своей картины мира; имеются в виду примеры типа *час смирения*, но не *гордыни, своеволия...*);

4) движителем этого времени является и с п ы т а н и е: обретение духа мыслится как прохождение через трудности. Отсюда и с п р а в е д л и в о с т ь, “истинность” *часа*, которая в п.3 трактуется в терминах неизбежности.

Как мы отмечали ранее, модель подразумевает и н т е р п р е т а ц и ю времени, которое мыслится как вместителище событий. То есть заданное носителем модели “качество” времени определяет интерпретацию “качества” событий: *час*, к примеру сообщает об их судьбозначимости, а *минута* – об их обыденности, ординарности. При этом, в применении к рассмотренным словам речь шла об интерпретации и н т е р в а л а времени: кратчайшего у *мигов*, *мгновений* и под. и “периода” – у *поры* и *времени*. *Час* в указанном плане отличается от других показателей времени: его интерпретация может относиться как к, условно говоря, “точке” на оси, “сроку”, знаменующему перелом, так и к периоду, интервалу, заполненному событиями, ср.: *В этот решающий час мы должны...; В тот час он еще не знал, что ему предстояло пройти... (час – это период) и ... пока не придет час бежать в пустыню (час – это “точка”, срок).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергсон Анри* 1910 – Время и свобода воли // Собр. соч. 2-е изд., СПб. 1910. Т. 2.
Библия 1983 – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. Изд-во “Жизнь с Богом”, 2-е изд., Брюссель, 1983.
Буслаев Ф.И. 1992 – Преподавание отечественного языка. Материалы для русской стилистики. М., 1992.
Вейсман А.Д. 1991 – Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М., 1991.
Горбачевич К.С., Хабло Е.П. 1979 – Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
Даль В.И. 1989 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989.
Евангелие 1993 – Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М., 1993.
Куний А.В. 1955 – Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955.
МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1984. Т. 4.
Муравьев В.Н. 1992 – Философские заметки и афоризмы // ВФ. 1992. №1.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
Срезневский И.И. 1893–1912 – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893-1912. Т. III.
Топоров В.Н. 1991 – Путь // Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1991. Т. 2.
Флоровский Г. 1937 – Пути русского богословия. Париж, 1937. Репринт. Вильнюс, 1991.
Черных П.Я. 1994 – Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994. Т. 2.
Якобссон Гуннар 1958 – Развитие понятия времени в свете славянского *časъ* // Scando-Slavica. Т. IV. 1958. С. 286–307.
Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
Collins Bible 1982 – Good News Bible. Today’s English Version. The Bible Societies. Collins Bible. 1982.